

— Папа пришел!.. — воскликнул Андре, а потом спохватился, что должен поздороваться по-военному... — Оружие к бою! Капитан, приветствую вас.

Эти слова радостно произнес тонкий детский голос с лестничной площадки, богато украшенной и задрапированной.

И вот на верхней ступеньке вдруг возник трехлетний малыш, гордо выпрямившись и поднеся руку ко лбу по всем правилам военного церемониала.

Альфред Дрейфус, который через все более сгущающийся туман на улице, наконец, вернулся к себе домой, поднял глаза.

Мрачная озабоченность, все еще отпечатавшаяся на его красивых, правильных чертах, дышащая мужской откровенностью, угасла, как утренний туман при первых лучах солнца. Глаза молодого офицера засияли таким трогательным и нежным огнем, и зажглись в нем отцовской любовью.

В три шага он оказался на верхней ступеньке лестницы, привлек к себе милого сына и страстным движением прижал его к своей груди.

— Дитя мое, дитя мое ненаглядное! — воскликнул он сдавленным голосом. Да сохранит меня для тебя Бог! Если я совершил какую-нибудь провинность, достойную наказания, да не обратится Его праведный гнев на твой невинный лоб!

Капитан замолчал. Одна из высоких боковых дверей первого этажа только что открылась, и очаровательная молодая женщина, просто одетая, но с безупречным вкусом, спустилась на несколько ступенек, чтобы броситься в объятия прибывшего.

— Моя жена! Мой сын! — прошептал офицер, поочередно прижимая свои белокурые усы к любимым губам молодой женщины и к коралловым губам маленького мальчика. Вы моя вселенная, и я держу ее всю в своих руках! Как я счастлив, что я снова с вами!

— Тогда почему ты так опаздываешь? — сердилась Люси. — Ты должен быть здесь больше часа назад, как и каждый раз. Даже Матье, который только что уехал, когда устал тебя ждать, утверждал, что ты уже два часа как покинул кабинет штаба. И это должен был знать это наверняка, так как искал тебя именно там, но не нашел.

— Приходил мой брат Матье? — спросил Альфред с оттенком беспокойства.

Ему было неприятно объяснять свое опоздание каким-либо предлогом, который, впрочем, он и не думал придумывать.

— Конечно, — ответила Люси, поправляя с помощью золотой булавки роскошные локоны светло-каштановых волос, которые несколько рассыпались в пылу поцелуев. — Матье показался мне очень расстроенным, что не смог поговорить с тобой, и мне показалось, что я прочла на его лбу след каких-то тревог.

— Дорогой брат, — сказал капитан, избавляясь от плаща, сабли и кепи, которые тотчас же унес камердинер. — Он выбрал самую сложную часть отцовского наследства, взяв на себя управление заводом, в то время как позволил мне, без всяких препятствий, посвятить себя служению Родине. Расширение дел должно доставлять ему немало хлопот. Может, ему нужна какая-то помощь. Когда Матье вернется?

— Конечно же сегодня, во время нашего маленького бала.

— Ах, верно, — смеясь, сказал капитан, — Я ведь сам здесь, в честь твоего дня рождения, дорогая. Тебе сегодня исполнилось двадцать четыре года, а я, к сожалению, на восемь лет старше.

— О! Мой старый, дряхлый и капризный муж! — со смехом воскликнула молодая женщина, страстно прижимаясь к нему.

Беседуя, они вместе с малышом, не отходившим от отца ни на шаг, вошли в просторную, ярко освещенную столовую, где был сервирован стол для ужина, с княжеской роскошью серебра, тонкого фарфора и ваз, полных редких цветов.

Вздых облегчения вырвался из груди капитана.

Среди окружающего его богатств, в этом роскошном интерьере, где сияли все изыски шикарной и легкой жизни, — дубовая мебель, вырезанная руками художника, ткани, мерцающие и мягкие на ощупь, картины мастеров, как древних, так и современных, отделанные золотом и черным деревом, драгоценные безделушки всех стилей и стран, — Дрейфус не мог не вспомнить о картине убожества и мрачного запустения, откуда он только что вырвался.

— О, как некрасиво, как горько скривил ты губы! — сказала нежно Люси, поглаживая губы мужа своей аристократической рукой. — С тобой случилась какая-нибудь неприятность, Альфред? Как только ты вошел, я удивилась твоей бледности.

— Не всё так плохо! — ответил капитан. — Возможно, я простудился. Но будь уверена, ничего не случится. Да и уже проходит.

Он запечатлел новый поцелуй на губах молодой женщины и занял место за столом.

Маленький Андре устроился справа от него, на высоком стуле. Люси села слева.

В этот миг дверь снова распахнулась, и в комнату вошла молодая девушка, вся одетая в черное.

Это была немецкая гувернантка Андре.

Ее звали Ева Риттер. Хотя вряд ли ей было больше двадцати лет, но её бледное лицо уже имело отпечаток печальной серьезности и её губы иногда сжимались в почти болезненном движении.

Ее густые светлые волосы, стянутые в свободную прядь, были зачесаны по-гречески.

Ева почтительно поздоровалась с капитаном и его спутницей и, не говоря ни слова, пошла к малышу, чтобы тот поел.

Ужин прошел почти в полном молчании. Дрейфус был явно обеспокоен. Даже веселость любезной Люси и шуточные поклоны маленького Андре не могли отвлечь его от мрачных мыслей.

Странная вещь. Каждый раз, когда капитан поднимал глаза, он встречал взгляд молодой немки, устремленный на него с выражением тайной тревоги и болезненного интереса.

— Мадемуазель Ева, — сказала Люси, — не будете ли вы любезны передать господину корзину с фруктами, которая стоит на буфете?

Экономка тотчас встала и пошла взять вазу, искусно украшенную драгоценными камнями.

Но в тот момент, когда она протягивала ее капитану, ее затрясла нервная дрожь, и дрожащими руками он выпустила драгоценную вазу вместе с ее содержимым.

Несмотря на то, что ковер был толстым и пушистым, корзина разлетелась на мелкие кусочки.

— О Боже, мой! Что я наделала! — воскликнула Ева, опустив на паркет встревоженный взгляд, в то время как ее лицо залилось буйным румянцем. — Мадам!.. Господин капитан!..

— Не извиняйся, моя хорошая, — сказала миссис Дрейфус снисходительным, приветливым тоном. Корзина была прекрасна, но в этом мире все меняется, так что мы заменим ее.

— Не так легко, как вам кажется, дорогая Люси, — заметил Дрейфус. Эта ваза представляет собой подарок графа Эстергази от верных друзей и коллег да штаба. Два года назад он привез её мне из Венеции и, вручая её мне, весело сказал:

— Пусть она стоит вечно, как и наша взаимная дружба

Люси слегка нахмурилась.

— Ты называешь майора Эстергази своим самым верным другом? — тихо сказала она Дрейфусу. Ты, точно, в этом уверен? Что касается меня, то бледное и суровое лицо этого «Черного красавца», как прозвали его товарищи, внушает мне непобедимую антипатию и таинственное опасение.

— Что там говоришь, моя дорогая! Ну думай об этом. Граф искренний друг, чистое золото.

— Чистый, как золото! — повторились словами дрожащим голосом.

Эти слова невольно вырвались у немецкой гувернантки, которая, казалось, испугалась их.

Вошедший лакей, принесший десерт, положил конец этому ничего не значащему диалогу.

При виде пирожных и сладостей маленький Андре радостно захлопал в ладоши. Отец положил на тарелку тарталеток и поставил перед собой.

Но капитан не успел разрезать с помощью своего столового ножа тонкую выпечку, как сделал удивленный жест, незамеченный Люси, занятой в другом месте. В тесте была спрятана тонкая полоска бумаги.

Он украдкой вынул ее, опустил её под стол, чтобы можно было прочесть, не возбуждая лишнего внимания жены.

На бумаге были следующие строки, написанные мелким женским почерком, но, вероятно, подделанным.

Капитан Дрейфус

Вы объект предательского и беспощадного злословия. Сегодня же, бегите за границу, иначе быть беде».

Офицер не мог не побледнеть, но оставался невозмутимым. Как ни в чем не бывало, он сунул руку в карман, чтобы избавиться от таинственного предупреждения и, смеясь, повернулся к

жене:

— Эти тарталетки восхитительны, — сказал он. — Кто их приготовил?

— Альфред, я заказала их у кондитера на бульваре Итальянцев. Там его дом, где я обычно заказываю выпечку.

Однако Дрейфусу стало невозможно дольше сохранять маску безразличия. Одной рукой он взял свой бокал, залпом осушил его и встал из-за стола.

Поцеловав Люси и ребенка, он удалился в свою комнату, сославшись, что хочешь отдохнуть там часок, перед предстоящим балом.

Рабочий кабинет капитана Дрейфуса свидетельствовал о рвении в науке.

Полки библиотеки, богато украшенной книгами, были заставлены все стены. Стол, поставленный посреди комнаты, почти погряз под бумагами, картами и планами.

Над столом возвышался большой глобус, и повсюду лежали различные приборы, предназначение которых могли знать только офицеры штаба.

Резной дубовый письменный стол, широкий диван, обтянутый тигровой шкурой, и одно из тех китайских бамбуковых кресел, которые так дороги курильщикам, дополняли простую, но полную вкуса мебель этого убежища мечтателя и рабочего.

Измученный впечатлениями этого ужасного дня, Дрейфус с тяжестью опустил диван.

«Что означало странное предупреждение, дошедшее до него еще более странным образом?» — спрашивал он себя, борясь со сном. — Неужели действительно какая-то страшная опасность нависла над ним, что ему советуют немедленно бежать, как дезертир за границу? С какой стороны могли собираться грозные тучи?

Его не в чем нельзя было упрекнуть, кроме его личной жизни, мимолетного увлечения, где он скорее соблазнился, чем соблазнялся, и мог выдержать самое суровое испытание.

Это был человек чести, в самом широком смысле этого слова. Что касается его рвения и самоотверженности на службе Родине, то в рядах Генерального штаба он считался образцовым офицером и примером подражания для всех.

Потихоньку спокойствие вернулось к нему; он поглубже вжался белокурой головой в диванные подушки и, в конце концов, мирно заснул, убаюканный сознанием своей невинности.

Внезапно дверь кабинета открылась, не произведя ни малейшего звука.

На пороге появились двое, и на цыпочках вошли в комнату — женщина и мужчина высокого роста, в обычной одежде.

Лицо первого обрамляло ожерелье из Черной Бороды, под стать коже, испещрённой тонкими морщинками.

Именно так можно было изобразить чернобородого красавца-майора, друга Дрейфуса, к которому Люси питала недоверие.

Женщина, сопровождавшая его, была Ева Риттер, немецкая экономка-блондинка,

Мужчина обошел вокруг капитана, оглядывая его подозрительно-мрачным взглядом.

— Приготовься! — прошептал бородач девушке.

Та вздрогнула, но после недолгого колебания достала из кармана холщовый платок, решительно приблизилась к спящему, и закрыла им лицо.

Капитан издал слабый вздох и почти сразу после этого больше не пошевелился. Теперь казалось, просто труп был распростерт, лежа неподвижно на диване.

Ева повернулась, и шатаясь от волнения, бросилась к ногам своего сообщника.

— Умоляю вас, господин граф, — застонала несчастная, соединяя руки в мольбе. — Не заставляйте меня больше посещать этот дом, проявите великодушие ко мне! Капитан и его жена — самые добрые существа на свете!.. Придет время, что я не прощу себе, что, я стала несчастной шпионкой, отслеживая их каждый шаг, чтобы создать грозу над их головой.

— Сумасшедшая! — глухим голосом оборвал её майор. — Разве не с этой единственной целью я ввел тебя в их дом?

— Я знаю! — прошептала Ева, поднося руку к сердцу, словно чувствуя, как оно разрывается у нее в груди. — Но я не настолько ужасна и не настолько порочна, чтобы дальше играть эту мерзкую роль!

— Сегодня же она закончится, и позабочусь о твоём дальнейшем будущем... А теперь давай преступай быстро к делу, потому что у нас мало времени. Твои изящные ручки, должны сейчас достать их его кармана нужные нам ключи.

Щеки покрылись огненным румянцем, Ева Риттер выпрямилась.

— Неужели теперь я должна стать ещё воровкой? Нет, господин граф, только не это. Скорее убейте меня!

Зловещий майор схватил его за запястье своей жестокой и сильной рукой, похожей на когти хищной птицы. Его глаза засверкали с невероятной свирепостью, выступали жилы на лбу, словно готовые разорваться, раздуваясь от гнева.

— Значит, ты хочешь вернуться в мерзкое пристанище своего отца? — крикнул он хриплым голосом. Должен ли я снова низвергнуть тебя в ту бездну, из которой я тебя вытащил? Повинуйся, или с завтрашнего дня я отдам тебя во власть твоего отца и твоей матери... Они продадут тебя по самой выгодной цене, они превратят тебя в проститутку! Ты всего лишь нежный цветок, выросший на навозе!

— Хорошо, пустите! — умоляла несчастная, выкручивая руки. — Хорошо! Я сделаю все, что вы пожелаете!

Лицо девушки приобрело бледный оттенок. Вся её кровь прилила к сердцу. Шатаясь, как пьяная, она приблизилась к дивану, подняв к небу глаза от отчаяния.

Потом наклонилась к капитану, все еще находившемуся под воздействием наркотического вещества, сунула в карман дрожащую руку и вытащила оттуда небольшую связку ключей.

Майор с торжествующей радостью вырвал её у неё из рук. Не теряя времени, он подбежал к

столу, пробуя один за другим ключи, вставляя в замок и, найдя наконец нужный, открыл ящик, заваленный бумагами.

Быстро пробежав их глазами, он отбросил их с жестом неодобрения.

И вот улыбка коршуна застыла на его тонких губах, когда его глаза сверкнули адским блеском. Его жадная рука протянулась, как коготь. Он нашел то, что так долго он искал.

Это были четыре документа, связанные вместе шнурком. Он схватил их и спрятал в один из карманов сюртука.

Затем, аккуратно положив на место остальные бумаги, он закрыл ящик, вытащил ключи и повелительным знаком приказал несчастной Еве Рихтер вернуть их на место, где она только что взяла.

Как только дело было сделано, он убрал носовой платок, смоченный хлороформом, которым он накрывал лицо Альфреда Дрейфуса, и притянул к себе девушку, которая едва держалась на ногах.

— Послушай, — сказал хмуро бородач, — и отпечатай себе в памяти каждое мое слово. Сегодня вечером около десяти часов ты тайно покинешь этот дом, захватив собой свой легкий багаж. Ты тотчас же отправишься на улицу Сент-Оноре и позвонишь в дверь гостиницы, где расположился князь Георгий Мирович. Добейся, чтобы тебя познакомили с дочерью князя, красавицей Паолой.

Ты представишься, как компаньонка, рекомендованная мной. И в подтверждение ты передашь ему эти строки.

Майор протянул девушке сложенный конверт, который поспешно скользнул в ее корсаж.

Оба сообщника вышли из кабинета с теми же предосторожностями, что и вошли в него.

Спустя два часа Дрейфус проснулся, и обнаружил, что его Люси стояла возле дивана. Она держала подсвечник с тремя свечами, и с беспокойством наклонилась к бледному лицу ее мужа:

— Как ты долго и глубоко спал, Альфред! — сказала она изменившимся голосом. — Смертельная тоска овладела мною, когда я увидела тебя лежащим здесь, ты был бледен и неподвижен, как труп!

— У меня жутко болит голова, — ответил Дрейфус, проводя рукой по лбу. — Как будто вынырнув из ужасного кошмара, я во сне представлял себе, как слышу голос моего друга майора Эстерхази. Его сопровождала ты, или это была какая-то другая женщина, потому что во сне я не мог различить черты её лица. Вдруг пошел снег. Хлопья сыпались на меня так, что я начал задыхаться. Напрасно я боролся, чтобы вдохнуть воздух. Казалось, меня пытались закопать заживо, когда вот наконец, к счастью, проснулся! Какой странный и страшный сон!

Люси, поставив канделябр на стол, уселась на диван, рядом с мужем.

Только тогда Дрейфус заметил, что она уже надела свой бальный наряд.

Белое атласное платье, оставлявшее открытыми ее круглые плечи и руки, похожие на руки

античной статуи, подчеркивало ее юную талию. Маленький букетик красных роз был прикреплен к ее корсажу брошью, украшенной брильянтами.

Звезда из бриллиантов и рубинов покачивалась в красивых каштановых волосах.

Только один браслет обвивался вокруг ее нежного запястья, но он был украшен камнем, высеченным из тысячи граней, который, должно быть, имел немалую ценность.

— Твой лоб горит! — сказала Люся обеспокоенно. — Прими мой поцелуй, возможно, он прогонит черных бабочек печали, поселившихся в твоей голове.

Ее прохладные губы прижались ко лбу мужа, скользнув по щеке и остановились, наконец, на устах счастливого офицера.

Под теплыми объятиями своей любящей спутницы, прижатой к груди, Альфред почувствовал, как улетают последние облачка, омрачающие его мысли.

Воспоминания о Кристине, о несчастной артистке, у которой умер ребенок, и страшное проклятие — все исчезло, под пеленой счастья, которым юный офицер, по соизволению небес, был сейчас переполнен.

Легкий стук в дверь заставил Люси выскользнуть из его объятий.

— Только что прибыли первые гости, — сказал Джозеф, старый доверенный слуга.

— Я бегу их принимать! — ответила девушка, поправляя волосы.

Кристина, снова наклонившись к Дрейфусу, прошептала ему на ухо:

— Давай, быстро одевайся и спускайся вниз. Когда тебя нет, мир мне не мил!

Он поцеловал ее со страстным пылом в последний раз, долгим глубоким поцелуем.

Но никто из них предположить не мог, что это поцелуй должен был стать последним в этой светлой и благословенной фазе их судьбы, когда они были ещё вместе.

<http://tl.rulate.ru/book/32833/712777>